

ПЗ

Г-29

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

©196

90

160

Псковский областной отдел культпросветработы
Областное лекционное бюро

Директор Пушкинского заповедника
Академии наук СССР ГЕЙЧЕНКО С. С.

Пушкин в Михайловском

В помощь районному
и сельскому лектору

Псковиздат
1950

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Девятнадцатилетним юношей, в самом начале своей творческой деятельности, Пушкин писал Чаадаеву:

•
Мой друг, отчизне посвятив
Душа прекрасные порывы!

Всю свою жизнь поэт сдался верен этому призыву. Творчество Александра Сергеевича Пушкина пронизано неугасимой любовью к отчизне. Поэт страстно мечтал о том времени, когда над его родиной взойдёт «^{заря} ^{зари} плениительного счастья». Он горячо верил в великое, светлое будущее России. Он знал: это время придёт.

Гениальный поэт дорог нам тем, что в своих бессмертных произведениях прославил и возвеличил наш народ, нашу Родину.

С особой силой звучит голос Пушкина сейчас, в нашу великую сталинскую

эпоху. Его поэзия особенно цenna для нас своим пламенным патриотизмом, свободолюбием, глубочайшим оптимизмом, гуманностью, своей стойкостью, мужеством, ясностью ума — этими коренными чертами национального облика русского народа.

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцаet и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Каким боевым призывом к свободе, к счастью звучат эти слова «Вакхической песни»! Какой верой ее всепобеждающую силу человеческого разума наполнены эти слова!

М. Горький назвал Пушкина гигантом, величайшей гордостью нашей и самым полным выражением духовных сил России. «Пушкин, — писал он, — великий русский народный поэт, создатель ча- рующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов», поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения

чувства и мысли, поэт — родоначальник великой русской литературы».

«В Пушкине, — писал Н. В. Гоголь, — русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

В. И. Ленин высоко ценил творчество Пушкина и в своих трудах неоднократно цитировал поэта. Н. К. Крупская вспоминала, как в Сибирскую ссылку она «...привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Владимир Ильич положил их около своей кровати рядом с Гегелем и перечитывал их по очереди вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина».

И. В. Сталин в историческом докладе 6 ноября 1941 года назвал имя Пушкина в числе великих имён, составляющих гордость и славу русской нации.

Бессмертный Пушкин — наш современник. Его поэзия помогает нам, советским людям, бороться за мир, за свободу, за счастье человечества. Она вдохновляет нас на героический созидательный труд во славу нашей любимой Родины.

* * *

Близ Пушкинских Гор, вдоль голубой реки Сороть и озёр Кучане (Петровское) и Маленец, расположены земли «Михайловской губы», как в старину назывались эти места. Свыше двухсот лет назад здесь появились предки А. С. Пушкина. 6 февраля 1746 года императрица Елизавета Петровна подписала дарственную грамоту, по которой Михайловская губа, «во Псковском уезде пригорода Воронича», включающая в себя сёла Михайловское и Петровское с прилегающими к ним землями, переходила в вечное владение ревельскому обер-коменданту генерал-майору Абраму Петровичу Ганибалу — «арану Петра Великого», прадеду Пушкина.

После смерти А. П. Ганибала в 1781 г. Михайловская губа была поделена между его сыновьями; один из них — Осип Абрамович, дед поэта, — получил с. Михайловское. На краю холма, у самого обрыва, где внизу несёт свои волны Сороть, был построен дом, разбит великолепный парк, основан сад. После смерти Осиша Абрамовича, в 1806 г. с. Михайловское досталось его жене Марии Алексеевне

дочери Надежде Осиновне матери поэта.

Сельцо Михайловское, входящее ныне в Государственный Пушкинский заповедник, неразрывно связано с жизнью и творчеством великого поэта земли русской. Михайловское справедливо называют «колыбелью поэта», «его творческой лабораторией». Здесь, по словам друга Пушкина А. И. Тургенева, «поэт принимал впечатления природы и предавался своей багатой фантазии... находил краски и материалы для своих вымыслов, столь натуральных и верных и согласных с прозой и поэзией сельской жизни в России».

Сам поэт называл Михайловское «приютом спокойствия, трудов и вдохновения». Он говорил:

Я был рождён для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глухи звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

(«Евгений Онегин»)

«Губернию Псковскую» поэт называл «теплица юных дней моих».

В Михайловском Пушкин вплотную сблизился с народом, с его жизнью и

думами. Тут он ознакомился с народной поэзией. Здесь он увидел и полюбил русскую природу.

Всё, что там окружало поэта, — люди, их быт, нравы, природа, — отразилось в его творчестве.

Здесь, в Михайловском, музу романтизма сменилась новой музой — реализма:

Как часто ласковая муз
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа.
Как часто, по скалам Кавказа,
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне...
...Вдруг изменилось всё кругом:
И вот она в саду моём
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

(«Евгений Онегин»)

В жизни и творчестве А. С. Пушкина Михайловское играет исключительно большую роль. Президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов 11 июня 1949 года, выступая в г. Пскове на торжественном заседании, посвящённом 150-й годовщине со дня рождения поэта, справедливо отметил, что русских людей, русских крестьян Пушкин особен-

но глубоко изучил и полюбил под Пско-
вом. Здесь основные народные источни-
ки «Евгения Онегина», «Повестей Белки-
на», сказок. Вот почему Пушкинские
места Псковской области стали свяще-
нными для нас, вот почему они объявлены
заповедником. Здесь, на Псковщине, го-
ворил С. И. Вавилов, окреп народный
дух Пушкина.

Сюда, под сень Михайловских рощ, Пушкин приезжал юношой в 1817 и 1819 гг. Здесь провёл он изгнаником два года (1824—1826 г.), сосланый царём за «вольнолюбивые» стихи и «опасные» идеи. Сюда приезжал он незадолго до своей смерти в 1835—36 гг. Тут же завещал поэт похоронить его.

О своём посещении Михайловского в июле 1817 года Пушкин записал в дневнике: «Вышел из лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бани, клубнике и проч...». Поэт посещает Петровское, в котором доживал свой век двоюродный дед Пушкина Петр Абрамович Ганнибал.

Вскоре после вторичного посещения Михайловского, летом 1819 года Пушкин создал стихотворение «Деревня». Ярко

точно поэт рисует пейзаж Михайловского:

Приветствуя тебя, пустынnyй уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льётся дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья!
Я твой: люблю есy тёмный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озёр лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Осины дымные и мельницы крылаты;
Везде следы довольства и труда...

Но молодой поэт видел не только красоту природы. Он пытливо наблюдал быт и нравы крепостной деревни. Он знал, например, что «когда Ганнибалы были сердиты, то людей у них выносили на простынях» (как вспоминал приказчик Пушкиных М. И. Калашников, бывший камердинер П. А. Ганнибала). Именно в этот приезд Пушкин глубоко осознал, как тяжек для народа и странен крепостнический гнёт.

И вот что он пишет дальше в своей «Деревне»:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.

Не видя слёз, не внемля стона,
На пагубу людей избранию судьбой,
Здесь барство чикое, без чувства, без закона,
Приевшико себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам

Неумелого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и сомнений в душе питать не смея,

Здесь девы юные цветут
Для прихисти бесчувственной злодея:
Спора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарища трудов,
Из хижины родной идут собёй умножить
Дворовые толпы измученных рабов...

Потрясающую картину крепостного рабства нарисовал Пушкин. Он правдиво вскрыл социальные противоречия русской жизни. Поэт гневно осуждает жестокость и бесчеловечие самой системы рабства. В заключительных строках стихотворения Пушкин восклицает:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная заря?

Будущие декабристы пользовались этим стихотворением, как многими другими произведениями Пушкина, в своей революционной пропаганде.

«Прекрасная заря», «звезда пленительного счастья» — символ свободы, были путеводной звездой и Пушкина и декабристов.

В своих воспоминаниях декабристы писали впоследствии, что Пушкин, не будучи членом тайного общества, служил их делу своим творчеством не только не меньше, но даже больше, чем литераторы, состоявшие в тайном обществе.

* * *

Пытаясь обезвредить вольнолюбивого поэта, Александр I в мае 1820 года высылает Пушкина на юг России. Но смирить поэта не удается. В середине 1823 г. конфликт, возникший на политической и личной почве между новороссийским генерал-губернатором М. С. Воронковым и Пушкиным, обостряется.

«Воронцов-вandal, придворный хам и

мелкий эгоист, — писал Пушкин Тургеневу. — Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое».

Воронцов принимает все меры, чтобы избавиться от Пушкина. Он шлёт в столицу донос за доносом. Не оставался в долгу и поэт. Многим на юге были известны ядовито-убийственные эпиграммы Пушкина на Воронцова, о котором поэт немного позднее — в 1824 году, писал:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж ещё полу-подлец!...
Но тут однако ж есть надежда,
Что полным будет наконец.

Полиция перехватывает письмо Пушкина, в котором он отрицал «бессмертные души» и одобрял атеизм, как «систему, более всего правдоподобную». И Александр I приказывает подвергнуть Пушкина новому наказанию. Поэта увольняют с государственной службы и отправляют в новую ссылку — в село Михайловское, под двойной надзор: местного начальства и духовенства.

* * *

9 августа 1824 года опальный поэт вновь приехал под сень Михайловских рощ.

От отца Пушкина, Сергея Львовича, псковская губернская полиция потребовала подписку в том, что он будет «иметь бдительное попечительное наблюдение за сыном». Надзирать за поэтом обязан был также и настоятель Святогорского монастыря игумен Иона.

Сергей Львович был очень недоволен новой ссылкой сына. Он боялся, что близость сына навлечёт подозрение и на него самого и что «безджный» поэт может вредно повлиять на брата и сестру. По поручению властей Сергей Львович вскрывал письма, послучаемые поэтом

Пушкина до глубины души возмущало шпионство отца. Между отцом и сыном то и дело вспыхивали тяжёлые сцены. Отношения между ними перешли в вражду и так обострились, что поэт решил обратиться к псковскому гражданскому губернатору Адеркасу с просьбой заменить ему ссылку в Михайловском — заключением в крепости.

Вмешался друг поэта В. А. Жуковский. Он убедил Сергея Львовича уехать

с семьёй в Петербург. Пушкин остался один со своей любимой няней Ариной Родионовной.

Потекли долгие дни михайловского изгнания...

* * *

Вначале Пушкин сильно тосковал. «Бешенство скуки... снедает моё глупое существование», — писал он друзьям. Друзья волновались за поэта. «Кто творец этого бесчеловечного убийства? — воскликнул, негодяя, П. А. Вяземский, узнав о новой расправе с Пушкиным. Или не убийство заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской. Да и постигают ли те, которые всвякли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси. Должно быть богатырём духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина... Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, как на смертельный удар, что нанесли ему».

Да, Пушкин оказался «богатырём духовным». Он выстоял. И именно здесь, «в глухи, во мраке заточенья», поэт написал о себе в 1825 году: «Я чувствую, что мои духовные силы достигли полной зрелости, я могу творить»

«Знаешь ли мои занятия? — сообщал Пушкин брату в ноябре 1824 г. — До обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

«Вот уже четыре месяца, — писал Пушкин в письме к О. М. Шварцу 6-го декабря, — как я нахожусь в глухой деревне — скучаю, да нечего делать... Уединение моё совершенно — праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко — целый день верхом — вечером слушаю сказки няни моей, оригинала няни Татьяны. Она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно».

Очень любопытны сохранившиеся отдельные воспоминания крестьян о том, как жил в то время Пушкин.

«Жил он один, — вспоминал крестьянин Иван Павлов, — с господами не вязался, на охоту с ними не ходил, с соседями не бражничал, крестьян любил и со всеми, бывало, ласково, по-хорошему обходился. Ребятишки в летнюю пору

насбирают ягод, понесут ему продавать, а он деньги заплатит и ягоды им же отдаст. «Кушайте, мол, ребята, сами: деньги все равно уплачены». Другой крестьянин, Иван Столяров, рассказывал, что «Пушкин — отлично добрый господин, который награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей; ведёт себя просто и никого не обижает... Слышишо о нём только от людей его, которые не могут нахвалиться своим барином».

Сосед Пушкина, помещик П. С. Пущин возмущался тем, что Пушкин «дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними».

Особенно любил Пушкин посещать многолюдные ярмарки в Святогорском монастыре. Поэт знакомился с народом, изучал его быт и нравы, речь, народную поэзию. «На ярмарке в Святых Горах, — рассказывал современник, — поэт любил разгуливать среди народа и останавливаться у групп, где нищие заунывно тянули «Лазаря», или где парни и девицы водили хоровод, плясали, или где крестьяне перебранивались и спорили. Поэт простаивал с народом подолгу, заложив руки за спину, в одной руке у него до-

щечка с наложенной бумагой, а в другой — карандаш. Пушкин, заложив руки назад, записывал незаметно для других...

Современники рассказывают также, что однажды на ярмарке, около монастырских ворот, вокруг Пушкина собралась группа нищих. Нищие пели стихи о «Лазаре», «Алексее, человеке божием» и другие. Пушкин же «тростью с бубенчиками давал им такт». Вокруг них скопилась большая масса народа, которая заслонила проход в монастырь. За эти «беспорядки» Пушкина арестовали. Он был «освобождён от ареста лишь благодаря заступничеству здешнего станового пристава».

Кучер Пушкина Петр рассказывал, что поэт ходил на ярмарку... «как есть бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен. Чудно так. Палка железная в руках. Придёт в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, собирает к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи скзывают».

За два года, проведённых в Михайловском, Пушкин записал более пятидесяти песен, сказок, которые потом передал известному собирателю фольклора

П. В. Киреевскому. В предисловии к своему собранию народных песен Киреевский отметил это: «А. С. Пушкин, ещё в самом начале моего предприятия, доставил мне замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии».

* * *

Велика роль в жизни и творчестве поэта няни Арины Родионовны, простой русской женщины, которая вынужчила всех детей Сергея Львовича Пушкина и умерла в глубокой старости в 1828 году. Няня была для поэта действительно самым близким другом, «единственной подругой». С ней делился он своими думами, ей читал свои стихи:

А я плоды своих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

(«Евгений Онегин»)

«Он всё с Ариной Родионовной, коли ложа, — вспоминал кучер Пушкина Пётр. — Чуть встачет утром, уже бежит её глядеть: здорова ли мама. Он всё её «мама» называл»...

Стихотворения «Зимний вечер», «По-

друга дней моих суровых...» и многие другие — яркое свидетельство этой чудесной дружбы.

Арина Родионовна знакомила поэта с народным творчеством. Она, как няня Татьяны,

Хранила в памяти немало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц...

В сказках няни Пушкин черпал материал для создания своих собственных сказок «О попе и работнике его Балде», «О царе Салтане» и других.

Присказка Арины Родионовны: «У моря-лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки сказывает, вниз идёт — песни поёт», — была основой для создания чудесного пролога к «Руслану и Людмиле»:

У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...

«Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввёл его в литературу,

не искажая в угоду государственной идеи «народности» и лицемерным тенденциям придворных поэтов; он украсил народную песню и сказку своим талантом, но оставил неизменёнными их смысл и силу», — писал М. Горький.

Арина Родионовна — прототип няни Татьяны — Филиппьевны и няни Дубровского — Орины Бузырёвой.

* * *

Соседи поэта по Михайловскому Шелгуновы, Креницыны, Ганнибала, Философы, Рокотовы и др. жили типичной жизнью помещиков-крепостников того времени, жестоко эксплуатируя крестьян. Кратко жизнь каждого из них можно было охарактеризовать словами поэта:

Пил, ел, скучал, толстел, хирел...

Были у них и свои «фантазии». Так, Рокотов перед сном давал наказ своему лакею будить его через каждые два часа. Делалось это потому, что «уж очень приятно опять заснуть»...

Искключение составляла владелица села Тригорского Прасковья Александровна Осипова-Вульф со своими взрослыми

дочерьми и сыном А. Н. Вульфом, студентом Дерптского университета. Культурная, образованная семья радушно принимала опального поэта. Завязались дружеские отношения с тригорскими соседями. Просто и непринуждённо, как дома, чувствовал себя здесь Пушкин.

М. И. Осипова вспоминает: «Каждый день часу в третьем пополудни Пушкин являлся к нам из своего Михайловского. Приезжал он обыкновенно верхом, на прекрасном аргамаке, а то, бывало, при-волосится и на крестьянской лошадён-
ке... Раз, как теперь помню, тащился он на лошадёнке крестьянской, ноги у него чуть не по земле волочатся. Я и ну над ним смеяться и трунить, он потом за мной погнался, всё своими ногтями гро-зил, ногти ж у него такие длинные, он их очень берёг... Приходил, бывало, и пешком: подберётся к дому иногда со-всем незаметно, если летом, окна бывали раскрыты, а он и влезет в окно... Он, ка-жется, во всё перелазил. Все у нас, бы-вало, сидят за делом, кто читает, кто ра-ботает, кто за фортепьяно... Ну, пришёл Пушкин, — всё пошло вверх дном: смех, шутки, говор так и раздаются по комна-

там... А какой он был живой, никогда не посидит на месте: то ходит, то бегает...»

Пушкин мог беседовать с обитателями Тригорского на самые разнообразные темы: общественно-политические, литературные, хозяйственные...

В Тригорском имелась большая библиотека, книгами из которой поэт поль-зовался.

Наблюдения над бытом и жизнью Тригорского дали поэту богатейший ма-териал для реалистических картин по-мещичьей жизни, изображённой в «Евге-нии Онегине».

Тригорские друзья, пейзажи Тригор-ского воспеты Пушкиным во многих сти-хотворениях: «Если жизнь тебя обма-нет...», «Вот, Зина, вам совет...», «Приз-нание» и др. О тригорских друзьях он вспоминал в «Путешествии Онегина»:

О, где б судьба не назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой членок:
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила, —
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! Нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей. —

Вдали, один, среди людей,
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон тригорских нив.
И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы —
Приют, сияньем Муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук,
Являлся он в наш сельский круг —
И нимфу Сороти прославил
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом.
Но там и я свой след оставил
И ветру в дар на тёмну ель
Повесил звонкую свирель.

В **июне 1825** года в Тригорском Пушкин встретился с Анной Петровной Керн, двоюродной сестрой А. Н. Вульф, с которой познакомился ещё в Петербурге в 1819 г. у Олениных. Немало счастливых часов провёл поэт с этой красивой, умной женщиной.

Керн так рисует характер Пушкина в своих воспоминаниях: «Он был очень неровен в обращении: то шумно-весел, то грустен, то робок, до дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту...

Он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренне и был неописуемо хорош, когда что-нибудь приятно волновало его».

В те дни поэт создал своё изумительное стихотворение, которое является одним из шедевров мировой лирики. Когда Керн уезжала из Тригорского, Пушкин на прощанье подарил ей экземпляр второй главы «Евгения Онегина». Между страницами Керн нашла вчетверо сложенный лист почтовой бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревоге шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глухи, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви,
Душа настало пробужденье;
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Через несколько дней после отъезда Кери Пушкин писал ей: «Ваше посещение Тригорского оставило во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое произвела на меня встреча наша у Олениных...» — В другом письме: «...если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности: я буду весел в понедельник, восторжен во вторник, нежен в среду, дерзок в четверг, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно — и всю неделю у ваших ног...»

В Тригорском Пушкин познакомился с товарищем А. Н. Вульфа по университету, поэтом Н. М. Языковым, стихи которого высоко ценил. Когда приехал Языков, жизнь в Тригорском, как пишет П. В. Анненков, превратилась в «непрерывный ряд праздников, гуляний, шумных бесед, поэтических и дружеских излияний... Во время прогулок в Тригорское Пушкин часто сочинял стихи, произнося их вслух, радовался поэтическим находкам. Любопытно воспоминание од-

ного из крестьян Тригорского: «Пушкин часто бывал у покойницы нашей барыни, почти каждодневно ...добрый был, да ласковый, но только немного тронувшийся был: идёт, бывало, с железной такой палкой. Надо полагать, от собак он брал её с собой. Бросит её вверх, схватит свою шляпу с головы и начнёт бросать на землю, или опять вверх, а сам подпрыгивает, да прискакивает. А то ещё чудней: раз это иду я по дороге в Зуево (Михайловское), а он мне навстречу, остановился вдруг ни с того ни с сего, словно столбняк на него нашёл, ажно я испугался, да в рожь и спрятался и смотрю — он вдруг начал так громко разговаривать промеж себя на разные голоса, да руками всё так разводит — совсем как тронувшийся»...

* * *

Огромную радость доставил спальному поэту неожиданный приезд в Михайловское в январе месяце 1825 года его лицеистского друга И. И. Пущина. В своих «Записках о Пушкине» Пущин так описывает встречу с другом:

«Кони несут среди сугробов... вдруг поворот, и как будто они неожиданно вломились смаху в притворенные ворота,

при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, — протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора... Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и ташу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец, пробила слеза (она и теперь, через 33 года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем она всё поняла. Не знаю, за кого она приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, — чуть не задушил её в объятиях...».

Далее Пущин описывает комнату поэ-

та: «Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и проч. и проч. Во всём поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожжёные кусочки перьев (он всегда с самого лица писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора: против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество плюзев».

А потом, продолжает Пущин «...пошли нескончаемые разговоры, шутки, воспоминания о прошлом». В беседе были затронуты политические вопросы. Пущин подтвердил догадку поэта о существовании тайного политического общества. Он сообщил также Пушкину, какой огромной популярностью пользуются его произведения: «Стихи... приобрели народность по всей России».

Тогда же Пушкин впервые прочёл только что появившуюся комедию Грибоедова «Горе от ума», список которой Пущин привёз в Михайловское. Поэт

очень высоко оценил комедию, а в стихах заметил, что половина их «должна войти в пословицу».

Глубокой ночью друзья расстались: Пушкин уехал.

В стихотворении — 19 октября — Пушкин писал:

Поэт дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты уладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.

В апреле 1825 года поэта посетил второй товарищ по лицее А. А. Дельвиг, о котором Пушкин писал в этом же стихотворении:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею поник главой я томной
И ждал тебя, веянье пермских дев.
И ты пришёл, сын лени вдохновенный,
С Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

В сентябре поэт встретился с третьим лицейским товарищем князем Горчаковым, карьеристом-дипломатом, который гостил во имении Ляминове у своего дяди Пещурова, опочепского уездного предводителя

дворянства. Холодной, скучной была эта встреча. Вспоминая о встрече с Горчаковым, этим «счастливцем с первых дней», поэт писал:

Нам разный нуть судьбой назначен строгий:
Вступая в жизнь, мы быстро разошлись...

Друзья писали Пушкину из Петербурга, Москвы, Одессы... Изгнаннику слали письма П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, П. А. Плетнёв, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев, Н. М. Языков и многие другие. Сохранилось около 180 писем Пушкина и Пушкину, написанных за годы пребывания поэта в Михайловском.

Письма Пушкина — настоящие художественные произведения, полные гениальных мыслей. Поэт рассказывал о своей жизни, о своих впечатлениях и чувствах, высказывался по литературным и политическим вопросам и т. д. Письма эти зачастую становились достоянием общества: наиболее интересные из них переписывались и размножались.

* * *

В Михайловском Пушкин усиленно занимается самобразованием, очень много

читает, следит за новыми книгами, журналами. Здесь поэт нашёл время для того, чтобы «в просвещении стать с веком наравне», путём чтения пополнить «недостатки проклятого своего воспитания».

Он пишет брату: «Чтение—вот лучшее учение» и непрестанно требует «книг, ради бога, книг!... «это пища души». Книги ему присылают из Петербурга почти каждую почту. Их накопилось столько, что после понадобилось двенадцать подвод, чтобы вывезти из Михайловского двадцать четыре ящика книг и рукописей поэта. Кроме того, он брал книги также из библиотеки Осиповых-Вульф.

Здесь, в «строгом уединении, вдали охлаждающего света», Пушкин только за 1824—26 гг. создал более ста художественных произведений (центральные главы «Евгения Онегина», «Борис Годунов», «Граф Нулин», «Жених», «Зимний вечер», «Я помню чудное мгновенье», «Андрей Шенье», «19 октября», «Вакхическая песня», «Разговор книгопродавца с поэтом» и многие другие).

Это были поистине годы расцвета пушкинского гения. Здесь Пушкин окончательно выработал и утвердил принцип

реалистического стиля, заложил основу новой русской литературы.

* * *

10 октября 1824 г. поэт закончил начатую ещё в Одессе поэму «Цыганы». В ней Пушкин развенчивает гордого себялюбца, молодого дворянина Алеко. Алеко ненавидит «неволю душных городов», где «люди в кучах, за оградой»;

Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей...

Алеко бежит к цыганам — «детям вольности». Но и среди цыган он остаётся человеком своего времени, своего дворянского общества. Алеко отравлен ядом собственности, эгоизма. Гордый, озлобленный эгоист, Алеко «для себя лишь хочет воли», лишь для себя он ищет счастья, свободы. Всё это приводит его к преступлению; к нравственной гибели. Вот почему старый цыган говорит ему:

Оставь нас, гордый человек,
Мы дики, нет у нас законов,

Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов,
Но жить с убийцей не хотим...

Своей поэзией Пушкин разоблачает идеалистическую «теорию» западноевропейских последователей Руссо, которые утверждали, что выход из всех социальных противоречий — в бегстве от своего общества, от цивилизации, на лоно природы».

«Поэма «Цыганы», — говорит Г. В. Плеханов, — объясняет психологию целой исторической эпохи. Алеко громит нынешние общественные порядки, но, попав в почти первобытную среду цыган, он в своих отношениях к любимой женщине продолжает руководствоваться взглядаами, господствующими в покинутом им обществе. Он стремится восстановить то, что ему хотелось разрушить». Пушкин решает философскую проблему с позиций реализма, и поэма явилась значительным шагом вперёд в творческом развитии поэта. «Цыганы» являются не только зрелым и глубоко самобытным произведением Пушкина, но и новым словом в развитии мировой литературы.

* * *

В Михайловском поэта окружали памятники глубокой старины. Седой Псков, Угородище Воронич, Савкина Горка, древний Святогорский монастырь... Тут в старину проходила граница русских псковских земель с Литвой и Польшей. Здесь, на этих рубежах, русские люди отстаивали свою родину от иноземных захватчиков, сражаясь против войск князя Витовта, Стефана Батория, ливонских рыцарей.

Поэт слушал исторические песни слепцов и Арины Родионовны, читал летописи...

И тут, в Михайловском, Пушкин много размышляет о закономерностях исторического развития России. Он думает о роли народа в истории, о проблеме взаимоотношений народа и царя, о сущности и судьбах русского самодержавия, о долговечности его.

Вполне понятно, с каким большим интересом Пушкин читал только что вышедшие из печати в 1824 г. X и XI тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

В Михайловском Пушкин задумал и написал трагедию «Борис Годунов». В

Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов,
Но жить с убийцей не хотим...

Своей поэзией Пушкин разоблачает идеалистическую «теорию» западноевропейских последователей Руссо, которые утверждали, что выход из всех социальных противоречий — в бегстве от своего общества, от цивилизации, на лоно природы».

«Поэма «Цыганы», — говорит Г. В. Плеханов, — объясняет психологию целой исторической эпохи. Алеко громит нынешние общественные порядки, но, попав в почти первобытную среду цыган, он в своих отношениях к любимой женщице продолжает руководствоваться взглядаами, господствующими в покинутом им обществе. Он стремится восстановить то, что ему хотелось разрушить». Пушкин решает философскую проблему с позиций реализма, и поэма явилась значительным шагом вперёд в творческом развитии поэта. «Цыганы» являются не только зрелым и глубоко самобытным произведением Пушкина, но и новым словом в развитии мировой литературы.

* * *

В Михайловском поэта окружали памятники глубокой старины. Седой Псков, Угородище Воронич, Савкина Горка, древний Святогорский монастырь... Тут в старину проходила граница русских псковских земель с Литвой и Польшей. Здесь, на этих рубежах, русские люди отстаивали свою родину от иноземных захватчиков, сражаясь против войск князя Витовта, Стефана Батория, ливонских рыцарей.

Поэт слушал исторические песни слепцов и Арины Родионовны, читал летописи...

И тут, в Михайловском, Пушкин много размышляет о закономерностях исторического развития России. Он думает о роли народа в истории, о проблеме взаимоотношений народа и царя, о сущности и судьбах русского самодержавия, о долговечности его.

Вполне понятно, с каким большим интересом Пушкин читал только что вышедшие из печати в 1824 г. X и XI тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

В Михайловском Пушкин задумал и написал трагедию «Борис Годунов». В

ней он изобразил события крестьянской войны начала XVII века и польско-литовской интервенций, подвёл итог своим размышлениям о роли народных масс в истории.

Сюжет, фактическое изложение событий поэт заимствует у Карамзина, но политическое осмысление событий у Пушкина иное, своё.

Действующие лица в трагедии показаны в реалистически правдоподобных положениях. Их характеры, высказывания, поступки исторически и психологически обоснованы и объяснены.

В «Борисе Годунове» Пушкин, по его словам, стремился «воскресить минувший век во всей его истине». Все слои населения показаны в трагедии: простой народ, боярство, духовенство. Поэт ярко показывает в ряде сцен особенность русской культуры того времени и культуры феодально-шляхетской Польши.

Проблема отношений между народом и царём — центральная идея трагедии. Главным действующим лицом является не Борис и не Лжедмитрий. Главное действующее лицо — народ; он движущая сила истории, он решает судьбу отечества. О народе всё время и думают и

говорят почти все действующие лица трагедии. Предок Пушкина, Григорий Пушкин, — одно из действующих лиц трагедии — говорит Басманову:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою подмогой,
А мнением, да! мнением народным.

Народ — решающая сила в истории — вот смысл слов предка Пушкина. Пушкин показал, как враждебно относится народ к боярству, к царю, пришедшему к власти в результате преступления. Поэт резко осуждает деспотизм самодержавия.

Басманов говорит, успокаивая Годунова:

Всегда народ к смятению тайно склонен:
Как борзый конь грызёт свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? Конём спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

А вот что отвечает Годунов:

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ...

«Конь иногда сбивает седока!», «Как знаменательны, многозначительны эти слова!».

Наррашивается вывод, что деспотизму не сдобрить, что необходима государственная реформа.

Трагедия «Борис Годунов» поднимала вопросы, которые волновали декабристов. В фактах «давно минувших дней» она отражала злобу дня тогдашней современности.

Пушкин писал Вяземскому, что X и XI т. «Истории Государства Российского» «животрепещущи, как вчерашняя газета». Именно такой животрепещущей, как газета, была для современников и трагедия «Борис Годунов».

Историческое значение трагедии хорошо понимал Пушкин. Он писал Вяземскому: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию, навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»...

Поэт намекает на юродивого Николку, который говорит царю-убийце правду в лицо, заявляя: «Нет, нет, нельзя молиться за царя Ирода».

В «Борисе Годунове» Пушкин широко использовал фольклорный материал, свои наблюдения над бытом монахов

Святогорского монастыря, юродивых. Так, для речи Варлаама поэт воспользовался поговоркой любившего выпить настоятеля Святогорского монастыря Ионы:

Наш Фома
Пьёт до дна;
Выпьет да поворотит,
Да в донышко поколотит.

Варлаам так говорит: «Пьём до донышка, выпьем, поворотим и в донышко поколотим». Немало черт Варлаама взято и от вороничского иона И. Раевского, по прозванию «Шкода» (от слова «шкодить»), любителя выпить, весельчака, балагура и острослова...

Про «Шкоду» говорили, что он острословил даже во время церковной службы. Рассказывали также, что у него однажды нехватило сена. Он попросил сена у Пушкина. Поэт ответил: «Бери сколько хочешь». Обрадованный «Шкода» навалил такой воз, что лошадь надорвалась и подохла. Пушкин часто беседовал с этим «шкодливым» попом.

Первоначальный заголовок трагедии, стилизованный под заголовки древнерусских летописей, был такой: «Комедия

то настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве — летопись о многих мятежах и пр. писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 (1825) на городище Ворониче». Эти слова «на городище Ворониче» не случайны. Прогуливаясь из Михайловского в Тригорское и обратно, поэт постоянно видел городище Воронич — остаток сильной крепости, построенной псковичами для обороны своей земли от постоянных нападений Литвы, Польши, ливонских рыцарей. Через Воронич проходил со своими войсками Лжедмитрий. Воронич был одним из любимых мест поэта, и многие сцены из «Бориса Годунова» он обдумывал, прогуливаясь около древнего городища.

В создании трагедии Пушкину помогло, по его собственному признанию, изучение исторических хроник Шекспира. Но поэт пошёл дальше английского драматурга. Пушкин, в отличие от Шекспира, глубоко понял роль народных масс в истории.

«Борисом Годуновым» Пушкин совершил настоящий переворот в русской драматургии. Он первый решительно повернулся драматургию в сторону реализма.

* * *

Роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкин начал писать ещё в Кишинёве в ночь на 9 мая 1823 года. Работа над ним продолжалась и в Одессе. В Михайловском поэт создал вторую, третью, четвёртую, пятую и шестую главы романа. Эти главы отражают деревенскую жизнь поэта, его настроения и переживания. В письме к Вяземскому Пушкин признался:

«В четвёртой песне Онегина я изобразил свою жизнь».

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединённый,
Горой от ветра ограждённый,
Стоял над речкою, вдали
Пред ним пестрели и цветли
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы, здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущённый сад.
Приют задумчивых Дриад.

Это почти точное описание дома, в котором жил поэт, и пейзажа, расстилавшегося вокруг.

Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке:
Певцу Гюльвары подражая,
Сей Геллеспонт переплыval,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...

Прогулка, чтенье, сон глубокий,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой беглянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед, довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая...

Осенью, в дождливую пору, Онегин
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день,
Один, в расчёты, погружённый,
Тупым кием вооружённый,
Он на бильярде в два шара
Играет с раннего утра.

Или вот описание деревенского наряда Евгения Онегина, которое имеется в черновой рукописи романа:

Носил он русскую рубашку,
Платок щелковый кущаком,
Армяк татарский нараспашку
И шляпу с кровлем, как дом
Подвижный. Сим убором чудин,

Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина,
А с ней Мизинчиков...

Именно так иногда одевался, по словам современников, сам поэт. Быт и нравы помещичьей жизни Осиповых и других соседей, окружающих Пушкина, наступление зимы, гадание, деревенский бал, — всё это нашло отражение в романе.

Пушкин писал, имея в виду Тригорское: «Я нахожусь в наилучшем, какое только можно представить, положении для того, чтобы окончить мой поэтический роман». В Тригорском Пушкин мог видеть, как

«В саду служанки, на грядах
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

Казалось бы, это только один мелкий штрих. Но как ярко, как выразительно характеризует он крепостников-помещиков!

В молодости старушка Ларина была «без ума» от сентиментальных романов Ричардсона и Руссо. Она жадно читала чувствительные, слезливые романы. Однако ей это не помешало стать властной хозяйкой, державшей своих крепостных в ежовых рукавицах.

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам.
Служанок била осердясь —
Всё это мужа не спросясь.

Дмитрий же Ларин, как и многие другие помещики, жизнь которых наблюдал Пушкин,

...В книгах не видал вреда,
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой...

А какие резкие сатирические характеристики даёт поэт гостям, приехавшим на бал к Ларинам, всем этим Петушковым, Фляновым!

«С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков,
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;

Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков,
Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжёлый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

В «Евгении Онегине» Пушкин выразительно показал всю тяжесть условий жизни крепостного крестьянства. Они очень ярко вырисовываются из рассказа няни Татьяны о своём замужестве..

...«Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»
— И, полно, Таня! В эти лёта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. —
«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую»...

«Вот как пишет истинно народный, истинно национальный поэт!» — восклицает Белинский, приводя эти стихи.

Обитатели Тригорского, в известной степени, подсказали Пушкину образы Лариных, «простой русской семьи». Характерной для этих мест деталью являются разговоры «про дождь, про лён, про скотный двор», а также фамилия «Заречкий» и пр.

Как пишет П. В. Анненков, в своей работе «Пушкин в Александровскую эпоху», «две старшие дочери госпожи Осиповой от первого мужа, Анна и Евпраксия Николаевны Вульф, составляли два противоположных типа, отражение которых в Татьяне и Ольге «Онегина» не подлежит сомнению, хотя последние уже не носят на себе, по действию творческой силы, ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общий тип русских женщин той эпохи. По отношению к Пушкину Анна Николаевна представляла, как и Татьяна по отношению к Онегину, полное самоотвержение и привязанность, которые ни от чого устать и ослабеть не могли; между тем, как сестра её, воздушная Евпраксия, как отзывалася о ней поэт, представляла совсем другой

тип. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому, ничего не искала, в ней, кроме минутных удовольствий». Сами сёстры твёрдо считали себя прототипами героинь «Онегина», а брат их Алексей Вульф считал себя прототипом Ленского.

В образе Татьяны Пушкин показывает собирательный женский образ — идеал русской женщины «русской душою», выросшую в атмосфере няниных сказок, «преданий простонародной старины».

Именно эта близость Татьяны к национальной и народной почве и является, подчёркивает поэт, источником не только поэтической прелести всего её облика, но и её высоких моральных качеств, её верности долгу, её благородства, её чистоты.

Белинский назвал роман «Евгений Онегин» энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением. «В Онегине, — писал он, — мы видим поэтически воспроизведенную картину русского общества, взятого в одном из интереснейших, моментов, его развития».

В декабре 1825 г. Пушкин создал шуточную реалистическую повесть в стихах

«Граф Нулин». Пушкин писал: «Сюжет поэмы основан на истинном происшествии, которое случилось недавно в моём соседстве, в Новоржевском уезде». Между прочим, о Новоржеве Пушкин написал шутливую эпиграмму:

Есть на свете город Луга,
Петербургского округа,
Хуже б не было его
Городишко на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

«Граф Нулин» — злая карикатура на поверхностного и безнравственного аристократа-космополита. Слепо преклоняясь перед всем иностранным, Нулин презирает всё русское:

Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в её снегах,
Жалеет о Париже — страх!
А кто же он сам, граф Нулин?
Граф Нулин, из чужих краёв,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы;
Себя казать, как чудный зверь
В Петрополь едет он теперь
С зашасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов...

Космополит Нулин полное ничтожество, и Пушкин разоблачает его с большой сатирической силой.

«В этой повести всё так и дышит русской природой, серенькими красками русского деревенского быта. Только один Пушкин умел так легко и так ярко изображать картины, столь глубоко горные действительности», — писал о «Графе Нулине» Белинский.

* * *

19 декабря вечером Пушкин был в Тригорском у Осиповых. Вдруг раньше срока возвращается из Петербурга повар Арсений, посланный туда за провизией. Он рассказал, что «в Петербурге бунт, юроду разъезды и караулы, настыту взбражался на заставу, нанял почтовых и сломя голову прискакал в деревню...»

Это было первое известие о событиях 14 декабря. Пушкин немедленно поскакал в Петербург, где решалась судьба России, судьба его друзей. Но, доехав до погоста Врева, решил вернуться и обождать. Если восстание увенчается успехом, думал он, друзья вызовут его; если же всё кончилось неудачей — ехать бесполезно. Да и опасность появиться в

столице без разрешения была велика...

Пушкин крайне тяжело переживал поражение декабрьского восстания, жестокую расправу царя с участниками восстания — друзьями поэта.

«Вероятно, — писал Пушкин В. А. Жуковскому в январе 1826 г., — правительство удостоверилось, что я к заговору не принадлежу... Теперь, положим, что правительство и захочет прекратить мое опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Моё будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства и т. д.».

«Ты ни в чём не замешан — это правда, — отвечал Жуковский, — но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством».

Декабрист Якушкин говорил, что «вольнолюбивые стихи Пушкина расходились в сотнях рукописных копий и что в то время в армии не было сколько-нибудь грамотного прaporщика, который не знал бы их наизусть».

Правительство хорошо знало близость Пушкина со многими заговорщиками и

агитационное воздействие его стихов. И Николай I решил иными путями обезоружить поэта. Шеф жандармов Бенкendorf советовал царю: «Пушкин порядочный шалопай, однако, если удастся направить его перо и разговоры, в этом будет прямая выгода».

Николай вызвал Пушкина в Москву. 3 сентября 1826 года Пушкин покинул Михайловское. 8 сентября он уже был в Москве и в тот же день представлен Николаю. Царь спросил Пушкина, чтобы он делал, если бы 14 декабря был в Петербурге. Поэт без колебаний ответил, что стал бы в ряды мятежников. Хитрый лицемер, Николай разыграл сцену «прощения» поэта, сказав, что он прощает Пушкина, разрешает жить, где он хочет, избавляет его от общей цензуры, и сам отныне будет его цензором.

Вскоре Пушкин узнал, какова была «милость царя»: поэт был отдан под надзор III отделения «собственной его императорского величества канцелярии», Пушкин обязан был спрашивать разрешения у Бенкendorфа на каждую поездку и без царской цензуры не имел права читать, ни печатать свои произведения.

С этого времени поэт стал «свободным

поднадзорным». Жандармы следили за каждым шагом поэта. Как пишет **Б**. Л. Модзалевский, после свидания Пушкина с Николаем I «голубая громоздкая, но мягкая фигура Бенкендорфа становится рядом с поэтом».

* * *

Сразу после приезда в Москву Пушкин писал в последней строфе шестой главы «Евгения Онегина», прощаясь с родным Михайловским:

Дай оглянусь. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глухи,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь.
И наконец окаменеть
В мертвящем упоенье света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!

В ноябре Пушкин снова приезжает в Михайловское. Он писал Вяземскому: «Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение

возвратиться вольным в покинутую тюрьму».

Поэт написал здесь тогда, по предложению Николая I, записку «О народном воспитании», которую должен был представить Бенкендорфу; Пушкин высказывал в ней свои мысли о необходимости всестороннего просвещения. Конечно, никакого сочувствия со стороны шефа жандармов мысли Пушкина не встретили. На «Записку» была наложена такая резолюция: «Принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшего в оную толикое число молодых людей».

Направить перо и речи Пушкина жандармам не удалось. Поэт всё сильнее и сильнее чувствует придишки жандармов, цензуры. Обостряется конфликт между поэтом и ненавидевшей его «светской чернь».

Один за другим следуют доносы на поэта, клевета, пасквили. И Пушкин стремится вырваться «из душного» Петербурга в родное Михайловское.

«Пошлость и групость обеих столиц

наших равны, хотя и различны, и так как я имею претензию быть беспристрастным, то скажу, что если бы мне дали выбирать между той и другой, то я выбрал бы Тригорское, — писал Пушкин Н. А. Осиповой-Вульф в июле 1827 г. А через месяц поэт был уже в Михайловском, где за три осенних месяца написал более десяти произведений, в том числе незаконченный роман из жизни своего предка «Арап Петра Великого».

Этот роман был первым, чисто прозаическим опытом Пушкина. Начиная с этого времени, Пушкин настойчиво работает в области прозы.

Письма Пушкина 30-х годов свидетельствуют о том, как страстно порывался он уйти от тяготившей его придворной жизни в спокойную деревенскую жизнь, не только на время, но даже предполагая жить там постоянно.

Жизнь в Петербурге становится для него всё тяжелее, всё невыносимее. И Пушкин мечтает в 1831 г. приобрести маленькую деревушку Савкино, близ Михайловского, построить хижину там, перевести туда свою библиотеку и проводить несколько месяцев в году. Поэт пытается получить разрешение царя поки-

нуть Петербург и совсем переселиться в Михайловское:

Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов, и чистых нег.

Но это Пушкину не удается, царь не давал разрешения, не хотела покидать Петербурга и жена поэта.

В 1835 году в Михайловское Пушкин приезжал дважды: весной и осенью. М. И. Осипова вспоминает: «Кажется, в 1835 году — да, так точно, — приехал он сюда дня на два всего, пробыл 8 и 9 мая, — приехал скучный такой, утомлённый. «Господи, — говорит, — как у вас тут хорошо. А там-то, там-то в Петербурге, какая тоска дунит зачастую меня».

В сентябре этого года Пушкин снова в Михайловском. Он пишет жене 25 сентября: «В Михайловском нашёл я всё по-старому, кроме того, что нет уже в нём няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пля-

шу. Но делать нечего: всё кругом меня говорят, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась, а она мне: «Да и ты, кормилец мой, состарился, да и подурнел». Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: «Хорош никогда не был, а молод был».

В эти дни Пушкин как бы подводит итоги своей жизни и думает о будущем.

Размышления поэта в этот приезд нашли своё отражение в чудесном стихотворении, в котором он рисует всё, что так любил в родном Михайловском:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл
Изгнаником два года незаметных —
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я, но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И кажется, вечер ещё бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей,
Уже старушки нет — уж за стеной
Не слышу я шагов её тяжёлых,
Ни кропотливого её дозора.
Вот холм лесистый, над которым часто

Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зелёных
Оно, синея, стелется широко;
Через него неведомые воды
Плыёт рыбак и тянет за собою
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни, там за ними
Скривилась мельница, насила крылья
Ворочая при ветре...
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие —
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проскакал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох, —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зелёная семья, кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стонит один угрюмый их товарищ.
Как старый холостяк, и вокруг него
Попрежнему всё пусто. Здравствуй, племя,
Младое, иезиакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук

Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Весёлых и приятных мыслей полон
Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

В этом замечательном стихотворении грустные думы затравленного поэта сочетаются с неколебимой верой в жизненные силы родной земли, её светлое будущее, в ней звучит радостный привет грядущим поколениям. «Грусть Пушкина, — писал Белинский, — не есть сладенько чувствованье нежной, но слабой души; нет, это всегда грусть души могучей и крепкой... Иногда, задумавшись, он как будто вдруг встряхивает головою, как лев гривою, чтоб отогнать от себя облако уныния, и мощное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даёт ей какой-то особенный, освежительный и укрепляющий дух характер». Пейзаж этого стихотворения, как и характеристика переживаний поэта, глубоко реалистичен.

Каждый человек, прибывший на экскурсию в Михайловское, читает здесь это стихотворение: бодрое и вместе с тем грустное:

Вот холм лесистый...
Вот опальный домик...

Всё оно читается, как поэтическая автобиография поэта.

Последний раз приезжал Пушкин в родные места в апреле 1836 г. хоронить свою мать Надежду Осиповну. У древних стен Святогорского монастыря, у восточной части собора поконится прах её родителей — Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибал. И в этот приезд Пушкин сам выбрал и купил себе место, на котором завещал похоронить себя..

Н хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать,

писал поэт в стихотворении «Брожу ли я
вдоль улиц шумных...»

* * *

29 января старого стиля 1837 года смертельно раненый на дуэли с Данте-ком Пушкин скончался. «Солнце русской поэзии закатилось, — как говорил современник, — вся грамотная Россия содрогнулась от вечной утраты». «Дуэль и

смерть Пушкина, затравленного самодер-
жавием и его холопами, были трагиче-
ским завершением той длительной
борьбы, которую вёл гениальный поэт с
реакционным дворянством за судьбу рус-
ской литературы». («Правда»).

Царское правительство опасалось де-
монстраций, и ночью 3 февраля гроб с
прахом поэта в сопровождении жандар-
ма, старого друга Тургенева и вер-
ного дядьки — кучера Никиты Козлова
тайно отвезли в Святые Горы.

Пушкина похоронили у стен древнего
Святогорского монастыря на рассвете
6 февраля там, где он завещал — неда-
леко от михайловских рощ.

Несколько крестьян из Михайловского
и Тригорского, хорошо знавших Пушки-
на, пришли, чтобы проститься с поэтом и
опустить гроб с телом Пушкина в род-
ную землю.

* * *

36.
«Заря пленительного счастья», о кото-
рой мечтал Пушкин, взошла над нашей
отчизной. Под руководством великой пар-
тии Ленина—Сталина советский народ
зavoевал себе счастливую жизнь.

Советский народ свято чтит память

А. С. Пушкина — гениального поэта
русской земли. Огромной любовью и
вниманием окружены места, где жил и
творил он свои бессмертные произведе-
ния.

Ещё в суровые годы гражданской вой-
ны советским правительством принимали-
сь специальные меры для охраны Пушкинских
мест.

Совет Народных Комиссаров 17 марта
1922 года специальным декретом объявил
Святогорский монастырь, где похоронен
поэт, Михайловское и Тригорское Госу-
дарственным заповедником. Село Святые
Горы было переименовано в Пушкинские
Горы, район стал называться Пушкино-
горским.

В 1936 году территория заповедника
расширяется: к ней присоединяют Пет-
ровское, Савкину Горку, городище Воро-
нич и всю территорию Святогорского мо-
настыря.

День рождения поэта — 6 июня —
стал традиционным праздником труде-
ящихся нашей Псковской области.

Столетие со дня приезда Пушкина в
Михайловское в 1924 году и столетний
юбилей со дня смерти поэта в 1937 г. бы-

ли днями грандиозного чествования памяти Пушкина.

В июле 1941 года фашистские изверги временно оккупировали Пушкиногорский район. Три года хозяйничали здесь эти «люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных» (И. В. Сталин). Они грабили, уничтожали, разрушали всё, что было связано с именем Пушкина. Фашистские вандалы разграбили и сожгли дом-музей, домик няни, вырубили до 30 тысяч кубометров заповедного леса, разрушили древний Святогорский монастырь, заминировали и пытались взорвать могилу поэта.

12 июля 1944 года воины Советской Армии освободили Пушкинский заповедник, и сразу же началось его восстановление.

Прошло немного времени, и всё, что разрушил проклятый враг, вновь засияло прежней красотой. Восстановлены дом-музей поэта и домик няни, вновь сверкает в лучах солнца купол Святогорского монастыря, приветливо шумят столетние великаны-деревья в Михайловском, Тригорском и Петровском парках. Благодарные потомки, «племя, младое, незнакомое», как святыню, берегут заповедные

места, где жил и творил бессмертный поэт.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не заастёт народная трона. —

писал Пушкин ещё в 1836 году. Пророческие слова! Об этом красноречиво говорят цифры: только в 1949 году Пушкинский заповедник посетило около 140 тысяч человек. В книге впечатлений музеев Пушкинского заповедника насчитывается более 300 записей, в которых посетители, записывая свои мысли и чувства, выражают глубокую благодарность нашей партии, правительству, лично товарищу Сталину за восстановление дорогих каждому советскому человеку Пушкинских мест.

Как великий праздник русской литературы и русской культуры, советский народ отмечал в прошлом, 1949 году 150-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Чествовать память поэта, сюда, в Михайловское приехали люди со всех уголков нашей необъятной Родины.

Приехали на Пушкинские торжества и зарубежные гости: китайский писатель

Эми Сюо, чехословацкий писатель Ян Дрда, негритянский писатель Питер Блекман и другие.

Всего в народном гулянии в Михайловском приняли участие около ста тысяч человек.

«Пушкин наш. Он с нами. Мы ощущаем его как своего современника. Пушкин целиком принадлежит нашему времени», — говорил на митинге, состоявшемся в Михайловском, поэт Николай Тихонов.

«Пушкин был и останется подлинно народным поэтом, настоящим эхом русского народа, — сказал президент Академии наук СССР С. И. Вавилов. — Русские люди и все народы Советского Союза любят Пушкина, как поэта сегодняшнего дня, как близкого и прекрасного друга!»

Зарубежные писатели говорили, что слава великого русского поэта перешагнула рубежи его Родины, что во всех странах прогрессивно настроенные люди читают, изучают и любят нашего великого поэта.

«Стихотворения Пушкина, — указал чехословацкий литератор Ян Дрда, —

учат нас, чехов и словаков, любить нашу родину, борясь с реакцией за осуществление светлых идеалов человечества».

Прекрасно сказал о значении А. С. Пушкина, как мирового поэта, Константин Симонов в своём докладе на торжественном заседании в Большом театре СССР в Москве 6 июня 1949 года:

«Тем, кто стоит за мир, тем, кто стоит за свободу от угнетения человека человеком, тем, кто верит в победу честных людей мира над человеконенавистниками, в победу разума над тьмой, Пушкин дорог, и они, как оружие, поднимают книгу его великих и светлых сочинений.

У него есть друзья в городах Америки и на равнинах Австралии, в деревнях Индии и городах Франции, в горах Греции и на берегах Италии.

Его друзья строят новую жизнь в Варшаве и Праге, в Софии и Будапеште, в Бухаресте и Тиране.

Друзья Пушкина сейчас — это всё передовое человечество.

Великие книги Пушкина — один из самых драгоценных алмазов той сокровищницы мировой культуры, которая по пра-

ву принадлежит нам, и только нам, честным людям всего мира, борющимся за счастье человечества. И в этом состоит сила Пушкина, и в этом состоит его великое мировое значение.

Чем дальше пойдёт освобождающееся от пут капитализма человечество по пути к коммунизму, чем больше народов и стран станет на этот великий путь, тем ещё величественнее и громче будет звучать на весь мир имя Пушкина — величайшего поэта, гордости нашей культуры, культуры того народа, который под руководством великой партии **Ленина—Сталина** первый двинулся к высотам коммунизма».

Отв. ред. **М. Исрафилова**. Техн. ред. **К. Николаев**.

Подписано к печати 5/VI-50 г.
Формат бумаги 60×84¹/₃₂. Объём 2 п. л. А.Л. 2.
Заказ № 2571, тир. 700 экз. ТЖ 00640

Типография «Псковская правда»